

консолидация была следствием падения ее роли и результатом распространения различных форм крестьянского землепользования, отличных от парического держания и утверждавшихся благодаря миграции сельского населения — как элевтеров и ксенов, не учтенных казной, так и зависимых крестьян.

Вследствие миграции зависимых крестьян, как и в результате перемещений элевтеров — бывших собственников или париков, появлялись покинутые земли и заброшенные поселения¹⁷. Вновь возникшие центры хозяйственной деятельности крестьянина свидетельствовали о наличии некоторых элементов внутренней колонизации. Безусловно, эти элементы не могут быть сопоставлены с внутренней колонизацией на Западе XII—XIII вв., имевшей существенные социально-экономические и демографические последствия. В отличие от Запада в Византии рассматриваемого времени подобные явления не только не были массовыми, но и не захватывали большой территории. Кроме того, отдельные проявления внутренней колонизации в Византии позднего времени по своему значению не идут также ни в какое сравнение и с известными фактами аналогичных процессов, относящимися к предшествующему периоду истории Византии¹⁸, когда колонизация осуществлялась по инициативе государства и приводила к образованию новых поселений. Однако и элементы внутренней колонизации в поздневизантийский период не могут быть сброшены со счетов, так как они, будучи связанными с миграцией зависимых крестьян, отражали динамику в системе зависимого крестьянского землепользования.

Миграционные процессы зависимых крестьян оказывали влияние и на развитие семейных отношений. Проскафимены, проживающие в других общинах, были, как правило, малосемейными. Малочисленной была обычно семья у элевтеров и ксенов, «неизвестных казне».

Кроме того, прямые данные о переселении крестьян в города или в другие общины свидетельствуют о том, что обычно переселялся глава семьи, образовавшейся в результате разделения некогда существовавшей большой семьи. Проскафименами являлись обычно сыновья, братья, зятья и другие родственники главы бывшей неразделенной большой семьи.

Имущественное положение семьи, отдельные члены которой переселялись в другие общины, было сложным. Семья в силу такого переселения разделялась и практически не могла осуществлять совместного ведения хозяйства. Возникали многочисленные владения, составлявшие части прежде единого хозяйства¹⁹.

Все эти факты показывают, что, хотя в Византии существовало развитое брачное имущественное право, имевшее давние традиции и признававшее совместное распоряжение имуществом супругами²⁰ (об этом свидетельствуют многочисленные купчие XIV—XV вв., в которых содержатся совместные заверения супругов о продаже земли), реализация его для зависимых крестьян наталкивалась на ряд трудностей, поскольку развивалась и противоположная тенденция — дробление имущества, возникновение хозяйств, сосредоточенных на части прежнего владения, и появление новых хозяйственных центров в других общинах.

Переселения зависимых крестьян имели значение не только для судеб самих крестьян, но находились в прямой связи с развитием крупной

¹⁷ См., например: Lavra, II, N 73, P. 20.69; III, N 127. P. 34.6, 18—19; В документе XV в., относящемся к владениям Дохпарского монастыря, содержатся данные о разорении собственников (Actes de Docheiarion. N 59. P. 298.1—3). Заброшенные земли неоднократно упоминаются в практиках. Иногда речь идет о покинутых крестьянских стасях или ипостасях.

¹⁸ На завоеванных территориях образовывались фемы; жители (иногда пленники) селились как стратоты (*Lemeie P. Agrarian History*. P. 133).

¹⁹ Lavra, II, N 109, passim; III, N 139. P. 80, 104; N 139. P. 78.9; P. 79.87, passim.

²⁰ *Margitić R. Bizantsko bračno imovinsko pravo u svjetu novele XX Lava Mudroga (S osobitim obzirom na razvoj bračnoga imovinskog prava u srednjovekovnim dalmatinskim gradskim općinama) // ЗРВИ, 1978. 18. С. 49—50.*